

Императорского Рима. Но именно вследствие политического характера всего явления, оно значительнее, сложнее, чем то, что покрывается прямолинейно упрекающими терминами (ложь, сервизм, лесть). В формах комплиментирования могла происходить и действительно происходила политическая борьба. Относительно Ломоносова позднейших лет это несомненно: Елизавете Ломоносов будет упорно приписывать большую индустриальную и научно-техническую программу, настолько величественную по прозорливости мысли, пронзающей века, что мы сейчас справедливо считаем себя, племя социализма, ее осуществителями. И эту программу научного руководства беспредельно развивающейся цивилизацией:

Где нет ни правил ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм —

(I, с. 151)

Ломоносов принужден будет связать с именем веселой и малограмотной помещицы Елизаветы! Специалист говорит о «параллелизме правительственного внимания к дворянству и буржуазии» в царствование Елизаветы;⁵⁹ оды Ломоносова, ни единым словом не откликающиеся на интересы дворянства, восторженно поющие научно-индустриальное развитие страны (уж, конечно, не с точки зрения интересов заводчиков), были, следовательно, в комплиментарных жанровых формах явлением глубоко оппозиционным. В происхождении своем они, конечно, связаны с «большим хозяйственным оживлением» в 1740—1750-е гг.,⁶⁰ но настолько и так гениально перерастают его масштабы, что было бы абсурдно видеть в оде 1747 г. литературное выражение промышленной или горнозаводской деятельности правительства. Другой пример. Та же ода 1747 г. поет «тишину» и, в условиях комплиментирования, настойчиво приписывает Елизавете отвращение к войнам. Казалось бы, ясно: Ломоносов славит царицу за мирную ее политику, которой он сочувствует. Между тем это совсем не так. В 1747 г. опасность войны (и притом ненужной), вызванная переговорами о помощи так называемым морским державам, была весьма реальной;⁶¹ Ломоносов, упреждая несостоявшееся еще решение правительства, от имени Елизаветы (фикция) вмешивается в политическую борьбу эпохи и блестяще излагает программу мира — свою собственную (реальность). Такой глубокий историк эпохи, как С. М. Соловьев, умел прекрасно это понять. Так как пужно полное знание политических обстоятельств времени, чтобы разобраться в действительном, часто

⁵⁹ Любимиров П. Г. Крепостная Россия XVII—XVIII вв. — В кн.: Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Изд. 7-е. М., [1910]—1948, т. 36, ч. 3 (1934), с. 595.

⁶⁰ Там же, с. 596.

⁶¹ Подробности сложного положения тогдашних дел в Европе и объяснение политического смысла оды Ломоносова см. в кн.: Соловьев С. История России с древнейших времен. М., 1872, т. 22, гл. 5, с. 307—308.